пиляцию сочинения Льва Кесаря и «Institutiones rei militaris» польского автора XVII в. Симона Старовольского, дополненную собственными рассуждениями переводчика о пользе наук и «умелости письмен». Рукопись готового перевода была поднесена Ф. А. Головину, второму послу Великого Посольства, для передачи Петру I, однако вскоре возвращена Копиевскому дьяком Михайлом Ларионовым из-за отсутствия необходимых пояснений к тексту. К 27.IX.1697 г., когда была сделана запись о выплате Копиевскому вознаграждения, работа над книгой была, по-видимому, завершена. Таким образом, перевод «Краткого собрания Лва Миротворца» относится не к 1698 г., как полагал П. П. Пекарский, а вслед за ним и другие исследователи, а к 1697 г. Что касается вопроса о датировке начала работы Копиевского над этим переводом, то он может решаться лишь предположительно. Решение его непосредственно зависит от того, исходила ли инициатива перевода от русского Посольства или от самого переводчика. Если принять первое предположение, то начало работы следует относить ко второй половине августа 1697 г. (въезд русских в Амстердам состоялся 16.VIII.1697). Однако не характерное в общем для предисловий Копиевского отсутствие указания на заказчика [2] заставляет нас более вероятной считать другую возможность: перевод был начат Копиевским до приезда русских в Голландию.

Помимо перевода «Краткого собрания...» в записи от 27.IX.1697 содержится известие о занятиях Копиевского «немецким» языком с русскими волонтерами из состава Посольства. Из челобитной Копиевского Петру I, поданной 18.XII.1699, известно, что пастор обучал молодых русских по повелению царя «болѣ году» [8, т. 1, приложение 3, с. 522], т. е. почти на всем протяжении срока пребывания Великого Посольства в Голландии (с середины августа 1697 до середины мая 1698 г.). О предмете занятий узнаем из записи в расходной книге («по немецку... учил»). Весьма вероятно, что Копиевский обучал волонтеров также латыни (ср. запись под 25.III.1698, приводившуюся выше). Вопрос о том, в какой степени Копиевский владел немецким языком, требует специального замечания. Мнение о том, что он немецкого языка не знал [7, приложение 1, № 20, с. 300], основано на тексте письма Я. В. Брюса к Петру I (май 1708 г.), в котором говорится, что Копиевский «языку Немецкому неискусен» [9, т. 7, вып. 2, с. 756]. Думается, что автор письма высказал лишь свою неудовлетворенность качеством переводов Копиевского, отнюдь не имея в виду отрицать сам факт владения этим языком. Подобная интерпретация кажется тем более разумной, что суждение Брюса является единственным свидетельством такого рода. Ему противостоит целый ряд свидетельств, среди которых указ о принятии Копиевского на службу в Посольский приказ (в том же 1708 г., к которому относится письмо Брюса!). В нем сказано, что оно поступает «для переводу книг, сыностранныхх языковв, в которыхх онн умѣетъ, а имянно с латин'ского, *немецкого*, I Галанского на русскои» (ЦГАДА, ф. 138, № 42, л. 3, 4.IX.1708). К числу косвенных свидетельств этого ряда можно отнести и тот факт, что с пребыванием в Германии и активным пользованием немецким языком связана дальнейшая судьба учеников Копиевского П. М. Ларионова [5, т. 2, с. 378; т. 4, с. 307; 6, с. 56] и О. И. Щербатова [8, т. 1, с. 14, примечание 1].

Что же касается состава учеников пастора, то известно, что к ним относились дворяне из отряда волонтеров О. И. Щербатов и С. А. Салтыков, царевич Имеретинский Александр Арчилович [8, т. 1, с. 14; приложение 3, с. 526—527] и младший подъячий Посольства П. М. Ларионов [5, т. 2, с. 378; т. 4, с. 307]. Анализируемая запись позволяет пред-

[2] Мотивируя свой выбор источника для перевода в предисловии к нему, Копиевский ссылается на содержательные достоинства и популярность книги: «Аще же сїѧ книга совершенно прослависѧ, понеже и приписана пресвѣтлѣйшему державнѣишему и великому гсдрю».